

Громыко А.А. «О формировании ООН»¹

Еще в годы войны державы антигитлеровской коалиции признали необходимость создать Организацию Объединенных Наций, основополагающей задачей которой стало бы поддержание международного мира в послевоенный период. Эта идея возникла, можно сказать, спонтанно в руководящих кругах трех ведущих держав антигитлеровской коалиции. Не все очертания такой организации представлялись ясными, но очевидным вырисовывалось одно: она должна быть более эффективной, чем Лига Наций, оказавшаяся беспомощной в предотвращении надвигавшейся второй мировой войны.

Политический крах Лиги Наций отражал банкротство курса держав Запада, прежде всего Великобритании и Франции, превративших Лигу Наций в орудие своей политики. США не принимали участия в работе этой организации. Тем не менее они вели себя так, что их линия в международных делах не создавала барьеров для гитлеровской агрессии. США и пальцем не шевельнули, чтобы вдохнуть жизнь в деятельность Лиги Наций, которая тонула в бесконечном потоке речей. За ними не следовало никаких действий, направленных на пресечение подготовки Гитлером войны. Более того, крупный американский капитал своим участием в германских военно-промышленных концернах на деле активно помогал нацистской Германии ковать оружие агрессии.

От предварительного обмена мнениями по поводу идеи создания всемирной организации союзные державы через некоторое время перешли к переговорам о ее характере, структуре, правах и обязанностях.

Сражение за принцип единогласия

Мне довелось представлять Советский Союз на конференции в Думбартон-Оксе. Она проходила с 21 августа по 7 октября 1944 года. На ней была проделана основная работа по подготовке проекта устава новой организации.

---

¹ Отрывок из книги Громыко А.А. «Памятное. Книга первая». Глава V. Сан-Франциско: у моста «Золотые ворота».

Подход СССР к этой организации был совершенно ясен: ее следует создать, она должна быть эффективной. Американский представитель на конференции — заместитель государственного секретаря США Э. Стеттиниус вспоминал: «Переговоры с Громыко и другими членами русской делегации в Думбартон-Оксе убедили меня в том, что руководители Советского Союза были чрезвычайно заинтересованы в создании международной организации».

Делегации трех держав — Советского Союза, США и Англии — сели за стол переговоров в тихом уютном особняке, расположенном на окраине столицы США.

Состав делегаций известен. Советская и английская делегации возглавлялись послами этих стран в Вашингтоне, а американская — первым заместителем государственного секретаря.

Открытие конференции состоялось в торжественной обстановке. Главным представителем США на ней являлся государственный секретарь Корделл Хэлл. Работа в течение всей конференции была исключительно интенсивной. Пленарные заседания, рабочие группы, встречи глав делегаций, другие разного рода встречи — все было задействовано. Участники сознавали, что необходимо добиваться соглашения.

Важные вопросы, связанные со структурой и содержанием Устава ООН, обсуждались со всей тщательностью. Основное внимание уделялось тому, чтобы новая всемирная организация оправдала надежды народов, содействовала поддержанию мира и недопущению новой войны. Вал советских армий, неумолимо накатывавшийся на Запад, и надвигавшееся окончательное банкротство гитлеровского рейха придавали особое значение политической, устремленной в будущее работе союзников.

Один за другим вопросы, требовавшие решения, согласовывались. Договорились и о том, что в новой организации наряду с Советским Союзом ее членами будут УССР и БССР.

На конференции в Думбартон-Оксе было согласовано, можно сказать, девяносто процентов всего того, что касалось создания ООН. Оставался несогласованным главный вопрос — о полномочиях Совета Безопасности при

разделении прав и полномочий между ним и Генеральной Ассамблеей. Как в фокусе, все это находило отражение в позициях участников по вопросу о принципе единогласия постоянных членов Совета Безопасности. Среди нерешенных был и вопрос исключительной важности: о порядке принятия решений в Совете Безопасности — органе ООН, на который возлагалась бы главная ответственность за поддержание мира. Позиция США в этом вопросе проявилась в их предложении, которое предусматривало, что в тех случаях, когда один из членов Совета Безопасности сам замешан в споре, его голос не должен учитываться при вынесении Советом соответствующего решения. Англия заняла подобную же позицию.

Американское предложение таило в себе серьезную опасность противопоставления великих держав друг другу и, следовательно, подрыва их сотрудничества, без чего ООН как универсальная международная организация не могла бы функционировать, да и вообще не была бы создана. Предложенный США порядок голосования в Совете Безопасности не обеспечивал должных гарантий против превращения ООН в инструмент навязывания воли одной группировки государств другим странам, прежде всего Советскому Союзу.

Такой порядок давал бы западным державам возможность принимать решения о применении санкций, в том числе военных, исходя из своих узких интересов. Державы, которые располагали бы большинством в Совете Безопасности, могли бы поддаваться соблазну вместо поиска взаимоприемлемых решений обращаться к силе. А это было бы чревато прямой угрозой вовлечения мира в пучину новой катастрофы.

Советский Союз, последовательно выступая за то, чтобы ООН действительно служила делу международной безопасности, решительно возражал против американского предложения. Он твердо стоял на том, чтобы решения по важнейшим проблемам сохранения мира, поддержания отношений между государствами принимались лишь с согласия трех держав-победительниц (СССР, США и Англии), а также Франции и Китая, которые, по общему мнению, должны были пользоваться такими же правами. Иными словами, основой для

эффективной деятельности становился бы принцип единогласия пяти держав — постоянных членов Совета Безопасности.

Во всех трех столицах отдавали себе отчет в том, что предстоит преодолеть трудный барьер. Появилась уверенность, что Франция и Китай проблем создавать не будут и примут согласованный между СССР, США и Англией вариант решения. Но оставалось открытым, каким сделать этот вариант, как к нему прийти. По мере того как над горизонтом все ярче занималась заря победы над фашизмом, требовалось без промедления искать пути к созданию новой всемирной организации.

Учитывая значение остающихся открытыми вопросов, Рузвельт решил сам провести беседу с советским послом и с этой целью пригласил меня в Белый дом.

Всегда собранный и вежливый, Рузвельт умело совмещал корректность с деловым стилем беседы. Не составила исключения и эта наша встреча. После обмена приветствиями Рузвельт заявил:

— Меня беспокоит отсутствие взаимопонимания по некоторым проблемам, связанным с создаваемой международной организацией.

Затем он подчеркнул значение Совета Безопасности в деятельности по поддержанию мира. На это я сказал президенту:

— Ваше замечание общего порядка вполне отвечает и нашему пониманию роли этого органа ООН, но расхождения у нас существуют не по этому принципиальному вопросу.

Рузвельт сразу же изложил позицию в отношении принципа единогласия, которую американские представители отстаивали в Думбартон-Оксе. Он, конечно, хотел повлиять на дальнейшее обсуждение возникшей проблемы и на ее решение. Тем не менее по ходу беседы я не почувствовал, что президент особо заостряет вопрос. Он скорее рассуждал, анализировал проблему, искал пути к устранению трудностей.

Мне пришлось привести Рузвельту наши доводы в защиту позиции Советского Союза.

— Для отступления от этой позиции у нас пространства нет, — заметил я, — так же как не было его у наших войск, сражавшихся в Сталинграде. Так говорили наши воины, знавшие, что отступить на восток от Волги дальше нельзя.

Исход беседы пока не давал основания предполагать, что Вашингтон уже готов изменить свой подход. Но из того, что президент всю эту проблему анализировал, размышлял над ней, думал, как примирить обе позиции, было видно, что поиски соглашения по этому вопросу будут продолжены.

Рубеж, перекрывавший путь к решению вопроса о праве вето, окончательно так и не был преодолен на переговорах в Думбартон-Оксе. Мы тогда шутили:

— Три союзные державы никак не могут овладеть этим рубежом, в то время как их войска успешно преодолевают один за другим укрепленные рубежи фашистских армий и одерживают блестящие победы в боях.

И все же у советской стороны сохранялась уверенность, что и американцы, и англичане внесут коррективы в свою позицию, ибо они не могут не отдавать себе отчет в том, что если этого не сделать, то просто не будет Организации Объединенных Наций. Именно так и произошло. Вопрос о праве вето решила Крымская конференция руководителей СССР, США и Англии. Рузвельт сам внес предложение, которое по своей формулировке в основном отвечало тому, на чем Советский Союз настаивал с самого начала.

В итоге достигли договоренности о том, что по всем важным вопросам, за исключением процедурных, решения в Совете Безопасности должны приниматься только при согласии всех его постоянных членов. Это имело принципиальное значение.

Много говорилось на Западе о том, почему Рузвельт пошел навстречу СССР. Немало по его адресу раздавалось и упреков. Но шаг, предпринятый им, объясняется просто. Он смог более трезво, чем некоторые другие политические деятели Вашингтона и Лондона, оценить ситуацию, осознать, что Советский Союз не может отказаться от принципа единогласия пяти держав при принятии важных решений в Совете. И в этом большая заслуга президента.

Тут решались главные вопросы

По достижении принципиальной договоренности о праве вето оставалось еще условиться, кто будет делить на важное и процедурное все то, что предстояло решать Совету Безопасности. Хотя в Крыму этим специально не занимались, но само существование указанной договоренности сделало возможным согласовать в дальнейшем, на Сан-Францисской конференции Объединенных Наций (25 апреля — 26 июня 1945 г.), совместное заявление СССР, США, Англии, Франции и Китая, где указывалось, что процедурным вопросом считается тот, в отношении которого ни одна из этих держав не выражает сомнения, что он является таковым.

Произошло так, что конференция в Сан-Франциско, задачей которой было учреждение ООН — международной организации, призванной объединить усилия миролюбивых стран во имя сохранения всеобщего мира, открылась в тот исторический день, когда советские войска встретились в Германии на Эльбе, в районе города Торгау, с американскими войсками.

Работа конференции проходила в период, когда мир вздохнул облегченно после разгрома гитлеровской Германии. Этот самый большой форум государств со времен Лиги Наций представлял интерес во многих отношениях. Впервые собрались под одной крышей на Тихоокеанском побережье США представители самых различных государств мира, чтобы создать надежную преграду новой войне. Все задавали себе вопросы:

— Какой должна быть эта преграда? Как измерить ее прочность? Что должно лечь в ее основание?

Посланцы государств Европы, по которой с наибольшей жестокостью прокатился раскаленный каток войны, несли особую ответственность за тот вклад, который им предстояло сделать в решение поставленной задачи. Конечно, взоры всех участников были устремлены прежде всего на делегацию СССР.

Историческая заслуга советского народа перед человечеством не требовала рекламы. О победе Красной Армии и ее роли в разгроме фашизма знали все. Мы, советские делегаты, это видели и ощущали на себе с первого дня пребывания в Сан-Франциско.

Вместе с тем замечалась известная разница в настроениях по отношению к нашей стране, в реакции на ее конкретные предложения и усилия на

конференции. Представители Австралии, Новой Зеландии, Южно-Африканского Союза, ряда стран Латинской Америки с меньшим пониманием относились к позиции Советского Союза. Пламя войны этих стран непосредственно не коснулось. Их потери не шли ни в какое сравнение с жертвами советского народа. Определенную скованность проявили и некоторые страны Азии и севера Африки.

Что касается наших союзников по войне — США, Англии, Франции, то в их политике уже часто чувствовалось как бы две души. Одна — признавала исторические заслуги страны социализма в спасении человеческой цивилизации от ига фашистских варваров. Другая — отражала их особые, узкие интересы и при обсуждении на конференции наиболее важных вопросов подталкивала к поиску таких решений, которые обеспечивали бы для крупных стран Запада доминирующее положение в мировой политике. И это двоедушие сказывалось во многом. Описанная выше беседа Трумэна с Молотовым в Вашингтоне за несколько дней до открытия Сан-Францисской конференции уже сама по себе настораживала.

Такие страны, как Польша, Чехословакия, Югославия, принимавшие участие в конференции, по всем главным вопросам высказывали взгляды, близкие к нашей точке зрения, хотя сложная обстановка, существовавшая тогда в этих странах, еще давала себя знать. В целом контакты с делегациями этих стран у нас установились дружественные, деловые. Мы почти ежедневно встречались с их представителями.

Во время работы конференции мы внимательно наблюдали за залом пленарных заседаний, который всегда заполнялся до отказа. Там обычно царил атмосфера напряженного ожидания. Пресса, можно сказать, изощрялась в разного рода прогнозах, предположениях и просто выдумках по поводу заседаний. Телевидение в то время еще непрочно стояло на ногах — его очередь обрушить на людей каскады информации пришла позднее.

Тем не менее если сравнить обстановку, в которой проходили дискуссии на конференции в Сан-Франциско, с накалом обсуждения соответствующих проблем на международных форумах сегодня, то такое сравнение будет далеко не

всегда в пользу современных форумов. Это касается и ООН. Тогда лексикон речей представителей капиталистического мира еще не украшали такие «жемчужины» ораторского искусства, как «политика с позиции силы», «холодная война», «крестовый поход против коммунизма», «Советский Союз — это империя зла» и т. д. Однако при обсуждении отдельных острых вопросов, например, о праве вето, нервишки у представителей некоторых западных стран и тогда сдавали.

Советские представители неизменно вели себя достойно на всех уровнях. Факты, аргументы и логика жизни, неумолимый ход событий в мире, приведший к краху гитлеровского рейха, — вот что определяло содержание речей, заявлений и предложений Советского Союза на Сан-Францисской конференции.

Главные вопросы на этой конференции решались не на общих ее заседаниях, не в разного рода комитетах с участием всех государств, в частности Руководящего комитета, а на совещаниях представителей великих держав, которые проводились практически ежедневно. На них присутствовали главы делегаций и по два-три (редко больше) члена делегации и советника.

Представителем США на конференции в Сан-Франциско был Эдуард Стеттиниус, ставший к этому времени государственным секретарем. Делегацию Советского Союза — с отъездом Молотова после его кратковременного пребывания на конференции — возглавлял я, как посол СССР в Вашингтоне. Во главе делегаций Англии, Франции и Китая были на начальном этапе министры иностранных дел — соответственно Антони Иден, Жорж Бидо и Сун Цзывэнь, а затем их главами стали тогдашний английский посол в Вашингтоне лорд Галифакс (как бы на одинаковом с ним положении находился и высокопоставленный представитель Форин оффиса Александр Кадоган), французский политический деятель Жозеф Поль-Бонкур и крупный китайский дипломат того времени Ку Вэйцзюнь (во всем мире его знали как Веллингтона Ку).

После заседаний

Деятельность глав делегаций великих держав занимала особое место в работе конференции. От степени взаимопонимания между ними или, напротив,

от отсутствия такового зависел политический пульс этого форума и в конечном итоге принятие решений по вопросам, которые находились на его рассмотрении.

Сложилось так, что главные импульсы в постановке самих вопросов, в преодолении разногласий и нахождении взаимоприемлемых решений исходили от советской и американской делегаций. Если бы кто-либо специально наблюдал, в каком настроении покидают зал заседаний участники узких встреч, то перед ним предстала бы любопытная картина. В случае достижения согласия они расходились, оживленно разговаривая между собой. Временами звучали даже веселые замечания, а на лицах появлялись сдержанные улыбки.

Лишь выражение лиц представителей Китая было такое, что на них ничего определенного прочесть было нельзя. Шаткое положение чанкайшистской клики накладывало печать на деятельность китайских делегатов и на их настроение. Даже ветеран внешнеполитической службы старого Китая Ку Вэйцзюнь выглядел, как правило, несколько растерянным и замкнутым. На заседаниях он больше отмалчивался, причем часто на его лице была видна печаль, которую не могли развеять даже американские представители, демонстрировавшие по отношению к нему и его коллегам свое расположение и учтивость.

В тех случаях, когда по тому или иному вопросу не достигалось согласия, участники заседаний расходились обычно замкнувшись в себе, молчаливые. Складывалось впечатление, что они изобрели какой-то специальный язык жестов, который хорошо выражал их мысли в отношении «окаянных» оппонентов, не согласных с ними.

Что касается сна в последующую ночь, то он — что греха таить — случался у многих из участников беспокойным. В этом смысле не составляли исключения и советские представители. Все мы отдавали себе отчет в значении проблем, по которым должно быть достигнуто согласие, если исходить из выполнения стоящей перед конференцией задачи создания эффективной международной организации по защите мира.

Упомянутая группа участников узких встреч состояла из людей, совершенно разных по своему характеру, по манере держаться, выражать свои

мысли и выслушивать других. Казалось, господину случаю угодно, чтобы у них имелось поменьше общих черт и побольше специфических, присущих только данному индивидууму.

Разумеется, встречи «пятерки» и их направляющая роль на конференции публично не афишировались, но все участники этого форума о них знали и в целом принимали их как должное. Война приучила ко многому.

Если объективно оценивать значение этих встреч, то следует сказать, что они диктовались не просто целесообразностью, но и необходимостью. Гораздо труднее пришлось бы искать решения проблем, ежедневно выслушивая на широких собраниях и заседаниях с участием всех делегаций многочисленные речи, пересыпавшиеся часто изрядной порцией пустозвонства. Таких речей и без того хватало, особенно по вопросам о праве вето и полномочиях Генеральной Ассамблеи.

Заседания созданного на конференции в Сан-Франциско Руководящего комитета, в который входили главы всех делегаций, мало чем отличались от общих пленарных заседаний. Присутствие глав делегаций позволяло, однако, более выпукло увидеть политическую линию страны по обсуждавшимся вопросам. Кроме того, в комитете в какой-то степени легче получались объяснения с коллегами просто потому, что разговор шел между людьми, располагавшими большими полномочиями.

Часто советники и эксперты заводили дискуссии в такие тупики, что могло сложиться впечатление о безысходности положения. Потом оказывалось, что выход был, но до поры до времени о нем знали только руководители делегаций. Надо сказать, что такая практика не чужда и международным форумам нашего времени.

Советские представители на всем протяжении работы конференции постоянно ощущали то, что делегаты Запада, за редким исключением, — это люди другого мира, мыслившие другими категориями. Причем бывало так, что наиболее дерзкими нашими оппонентами оказывались не столько делегаты крупных западных государств, сколько стран, от них зависимых. Особенно характерной в этом отношении тогда явилась линия, которой следовали

представители английских доминионов. Они в ту пору еще не успели обрести в политике свое национальное лицо.

Смешно на заседаниях выглядели главы делегаций Австралии — Герберт Эватт, Новой Зеландии — Питер Фрэнгер и Канады — Кинг Маккензи. Это они, применяя всякие ухищрения, изливая потоки слов, стремились похоронить право вето.

Мы знали, что этих своих верных партнеров по британскому содружеству англичане использовали, когда сами считали неудобным для себя в открытую выходить на первый план и бороться против принципа единогласия великих держав.

Работа конференции давала множество подтверждений тому, что классовые интересы тех, кто определял внешнюю политику в подавляющем большинстве капиталистических стран, перевешивают, как правило, все другие соображения и мотивы. Разве не явилось ярким примером этого образование Североатлантического блока, и всего-то лишь через четыре года после создания ООН?

Договоренность о предварительном рассмотрении всех важных вопросов на узких совещаниях «большой пятерки» была достигнута еще до начала работы конференции. Притом державы это сделали без особых затруднений, поскольку все отдавали себе отчет, что без согласия пяти делегаций никаких соглашений достичь невозможно. Более того, вся «пятерка» понимала еще и то, что успех конференции будет зависеть от позиций Советского Союза и США и что согласие между ними будет иметь решающее значение для всех остальных стран.

Помимо встреч глав делегаций «большой пятерки» время от времени проходили и более узкие встречи: иногда «тройки» — СССР, США и Англии, но больше — только СССР и США. На встречах советских и американских представителей имели место, пожалуй, наиболее ощутимые договоренности. Обычно эти встречи происходили внешне так, как если бы заранее не было достигнуто согласия о месте и времени их проведения. Одна из таких встреч состоялась между мной и Стеттиниусом. Было это, можно сказать, в разгар самых острых дискуссий по вопросам о праве вето постоянных членов Совета

Безопасности, о полномочиях Генеральной Ассамблеи ООН, а также о дальнейшей судьбе колониальных территорий. Эти вопросы находились в центре внимания участников конференции почти с самого ее начала и до конца.

Направление, по которому развивалось обсуждение этих проблем, более или менее определилось. Однако решения по ним еще не были сформулированы окончательно для включения в Устав ООН. Все понимали, что соответствующие формулировки могут быть разные, что они будут либо способствовать созданию эффективной всемирной организации, либо толкать на путь принятия рыхлого устава, которого затем уже не поправишь.

Разговор у нас со Стеттиниусом проходил один на один.

Первым из вопросов был поднят «давний знакомый» — о праве вето. Казалось бы, дело ясное, ведь этот вопрос еще до встречи в Сан-Франциско решила Крымская конференция. Однако Вашингтон при новом хозяине Белого дома — Трумэне, который далеко не во всем сочувствовал тому, что было принято в Ялте с участием Рузвельта, решил попытаться пошатнуть достигнутую там договоренность, хотя нельзя сказать, что американская администрация пришла к выводу о необходимости во что бы то ни стало похоронить принцип единогласия.

В ходе беседы со Стеттиниусом я обратил его внимание на следующее:

— Представители США в различных комитетах не проявляют твердости в отстаивании формулы относительно права вето, принятой на Крымской конференции. От ялтинской договоренности не может быть отступления. Советский Союз на это не пойдет. Он считает, что без должного решения вопроса о праве вето в духе Ялты невозможно будет создать международную организацию. И мы надеемся, что США, как и все остальные державы «пятерки», будут не формально, а по существу отстаивать принцип единогласия постоянных членов в Совете Безопасности.

Стеттиниус внимательно выслушал мое заявление. Он сказал: — Я солидарен с тем, что расшатывание ялтинской договоренности означало бы огромный риск, и обещаю позаботиться насчет того, чтобы представители США

в комитетах и разного рода рабочих группах не допускали колебаний в отношении этой договоренности.

У меня осталось от этой части беседы впечатление, что Стеттиниус и сам нуждался в том, чтобы освободить от колебаний свою собственную позицию. В силу внутренней убежденности государственный секретарь США продолжал поддерживать линию Рузвельта. Но эта поддержка еще не означала, что он давал должный отпор тем, кто в администрации Трумэна проявлял в указанном вопросе колебания.

Надо все же признать, что Стеттиниус в последующем, особенно в ходе второй части конференции, предпринял немало усилий, с тем чтобы этот форум не потерпел крушение.

Немая сцена

Предстояло найти решение вопроса о том, что должен рассматривать Совет Безопасности и что — Генеральная Ассамблея, то есть какие дела могут быть объектом применения вето и какие — нет.

Естественно, Советский Союз выступал за то, чтобы все важные проблемы войны и мира решались Советом Безопасности. Вашингтон и Лондон настаивали на таком разделении этих проблем, которое расширяло бы права Генеральной Ассамблеи в ущерб Совету Безопасности. Стремление администрации США отобрать побольше полномочий у Совета Безопасности и передать их Генеральной Ассамблее основывалось на уверенности, что Соединенные Штаты смогут легче получать там поддержку необходимого большинства и проводить выгодные им решения. Представители же ряда стран, главным образом малых, вообще настаивали на том, чтобы наделить Генеральную Ассамблею чуть ли не такими полномочиями, как и Совет Безопасности, а то и более широкими.

Ясно, что эта тенденция направлялась на то, чтобы посредством расширения полномочий Ассамблеи и сужения полномочий Совета фактически переместить политический центр ответственности за поддержание мира. В этой связи во весь рост встал вопрос об определении границы, которая разделяла бы функции того и другого органа ООН.

Тут же, как из рога изобилия, посыпались предложения о наделении Генеральной Ассамблеи правами рассматривать практически все вопросы, не связанные с применением санкций против государств. Поэтому советская сторона заявила, что недопустимо наносить удар по Совету Безопасности как бы с черного хода, под предлогом демократизации ООН.

Именно так мне пришлось поставить вопрос и в беседе со Стеттиниусом.

— Псевдодемократическая оболочка требований о расширении прав Ассамблеи в ущерб правам Совета, — заявил я, — тоже находится в противоречии с ялтинским соглашением.

Стеттиниус в общем с пониманием отнесся к позиции Советского Союза. Он сказал:

— Надо, конечно, поработать над тем, как справедливо разделить полномочия Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи. Я к такой работе готов.

После нелегких переговоров наметилась возможность взаимопонимания: Генеральная Ассамблея может обсуждать, именно обсуждать, любой вопрос, поставленный тем или иным государством или любой группой государств, но она не должна иметь право принимать обязательные решения, иначе говоря, может высказывать только консультативное мнение, а Совет Безопасности должен иметь полномочия принимать обязательные решения с согласия всех его постоянных членов.

Советская делегация далее заявила:

— Наша страна не даст своего согласия на такой Устав ООН, который сеял бы семена новых военных конфликтов между странами.

Помню, после такого заявления с нашей стороны на одном из совещаний пяти держав воцарилась напряженная тишина. Взоры участников устремлялись в этот момент на главу делегации США в ожидании, что скажет он в ответ.

Стеттиниус находился в явном замешательстве. С одной стороны, он оставался убежденным сторонником линии Рузвельта, который в Крыму признал необходимость права вето, приверженцем общего курса на сотрудничество с Советским Союзом, а с другой — директива Белого дома обязывала Стеттиниуса

все же попытаться заложить мину в вопросе о праве вето. Молчал и член делегации США сенатор Ванденберг.

Немая сцена длилась, наверно, минут десять. Дело кончилось тем, что достигли взаимопонимания в одном — прервать совещание и разойтись для обдумывания ситуации. Все участники расходились, понутив голову, и, пожалуй, это была уже — пусть мне простят такой новый термин суровые театроведы! — «ходячая немая сцена». Поскольку коридоры были длинными, а группы представителей расходились одна за другой, то все это в какой-то степени напоминало с виду похоронную процессию.

Пожалуй, лишь у одного участника совещания играла плохо скрываемая улыбка, так как он знал, что принцип единогласия в конечном счете возьмет верх. Им был Лео Пасвольский, который являлся как бы мозговым центром государственного департамента США по проблемам, связанным с ООН.

Несколько новых встреч «большой пятерки» в ходе конференции оказались напряженными. Такое напряжение возрастало постепенно. Оно достигло пика, когда четко выявилось, что американско-английскую позицию по вопросам разделения полномочий Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи нельзя примирить с мнением Советского Союза до тех пор, пока одна из сторон не отступит.

Было ясно, что президент Трумэн дал идущие вразрез с ялтинскими решениями директивы делегации США. Перемены в действиях Вашингтона сразу же почувствовали все участники конференции.

Особенно усердствовал входивший в состав делегации США член конгресса — Артур Ванденберг. Он был достаточно влиятельной фигурой в американской политической жизни: Ванденберг возглавлял республиканскую оппозицию в сенате.

Советская делегация вновь высказала категорическое мнение: — Измором нас взять нельзя. Надо перестать навязывать нам внутренние нормы работы американского конгресса. ООН — международная организация, и ее Устав должен быть приемлем для всех государств, в том числе и для Советского Союза.

Только после этого противники вето отступили.

Лед тронулся и в связи с обсуждением полномочий Генеральной Ассамблеи, хотя «арьергардные бои» делегация США еще вела. Стала вырисовываться применительно к Генеральной Ассамблее компромиссная формула, согласно которой она, Генеральная Ассамблея, могла обсуждать любой вопрос, но не принимать обязательных решений для государств — членов ООН. Это уже приближало договоренность.

Все участники стали веселее. Появилось больше добродушных шуток. Кто-то из делегатов, имея в виду договоренность по Уставу, сказал так:

— Звезда, которая раньше только мерцала, теперь светит устойчивым светом.

Через несколько дней политическая погода на конференции изменилась. Появилась статья 10 главы IV Устава ООН, ограничивающая полномочия Генеральной Ассамблеи выработкой лишь рекомендательных, не имеющих обязательной силы решений. В итоге вопрос о вето решили так, как предусматривалось договоренностью в Крыму.

Порочный подход Вашингтона

Острый оборот приобрело обсуждение на конференции в Сан-Франциско вопроса о международной опеке, об определении статуса подопечных территорий, то есть ряда бывших колониальных владений, управление которыми осуществлялось ранее в соответствии с мандатом Лиги Наций. Решение этого вопроса имело особое значение в свете нового подъема национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах в годы второй мировой войны.

Советский Союз исходил из своей принципиальной позиции в пользу предоставления независимости колониальным странам и народам. Западные державы, особенно Англия, в общем следовали линии на сохранение системы колониального господства. Впрочем, подход США отличался заметным своеобразием. Вашингтон склонялся рассматривать колониальные империи в том виде, в котором они исторически сложились, как анахронизм, и не делал секрета из того, что у него не вызвал бы печали постепенный их «демонтаж».

Монополистический капитал США рассчитывал, что в результате этого перед ним будут открыты новые возможности, включая политические.

В ходе обсуждения вопроса о неподпечных территориях представители США держались по отношению к советским представителям предупредительно, подчеркивая, с учетом принципиальной позиции СССР, ту мысль, что колониальные державы похозяйничали в своих владениях и хватит с них. Во всяком случае, старые хозяева могут потесниться. В частности, в упомянутой беседе Стеттиниус не скупился на саркастические выражения по адресу этих держав, которые и сами, по мнению Вашингтона, должны понять, что времена изменились и что с колониями им придется распрощаться.

Проблемы колониальных территорий и их предстоящую судьбу мне не раз пришлось обсуждать с Гарольдом Стассеном, отвечавшим за этот участок работы в американской делегации. На эту тему беседовали с ним и члены советской делегации послы А. И. Лаврентьев и К. В. Новиков.

Стассен был одним из влиятельных деятелей верхушки республиканской партии. Он часто и смело выступал с критикой политики демократов. Главное внимание при этом он уделял сопоставлению позиций двух основных партий страны в вопросах внутренней жизни, стараясь показывать преимущества политики республиканцев по сравнению с курсом демократов. И это вполне естественно. Как одна, так и другая партия всегда старались найти слабые стороны у своих оппонентов прежде всего в делах внутриамериканской жизни. Стассен среди республиканцев считался одним из наиболее опытных политиков, к тому же человеком незаурядного ума.

В своих выступлениях он приобрел значительный опыт, а его победа на выборах губернатора штата Миннесота была обеспечена именно умением и ловкостью, с которыми он наносил удары по своему сопернику-демократу. 754

В тот период у него не было контактов с советским посольством в Вашингтоне, тем более что Стассен по соображениям высокой политики к Рузвельту и его политическому курсу относился демонстративно негативно.

Наше знакомство с этим деятелем состоялось после его пребывания на посту губернатора штата Миннесота и уже после кончины Рузвельта. Впервые я встретился с ним в Сан-Франциско на конференции. Американская делегация включала представителей обеих крупнейших партий США: в нее входили и демократы, и республиканцы. Делегация была довольно многочисленной. Правда, Стассен не входил в основной состав делегации, но его считали одним из главных ее советников.

Мы, советские представители, видели, что не только на пленарных заседаниях конференции, но и в ее комитетах, в том числе в Руководящем комитете, Стассен неизменно присутствовал. Его внушительная фигура — а роста он был высокого, телосложения плотного — неизменно виднелась позади первого ряда делегации на всех заседаниях. Всегда с блокнотом в руке, он вел свои записи. В перерывах довольно свободно общался с представителями других государств. Мы заметили, что ему явно поручалась роль высокого ранга связного, который обязан поддерживать контакты с представителями Советского Союза и обсуждать некоторые вопросы по существу.

Руководство делегации США желало, чтобы с советскими представителями поддерживал связь авторитетный американский деятель. Вот и получалось, что те деловые контакты, которые он установил, оказались полезными и продуктивными для обеих сторон. Глава делегации США Стеттиниус непрерывно давал ему поручения что-то обсуждать с советскими дипломатами.

Главное внимание американский деятель уделял вопросу о судьбе колониальных владений государств. В первую очередь это относилось к Англии и Франции. Иногда он приходил к нашим представителям с помощниками — их бывало один-два. А вообще-то он предпочитал встречи в узком кругу, заявляя представителям СССР в ходе таких бесед:

— Конференция должна стать историческим рубежом, за которым последует освобождение колоний. Это, по мнению США, произойдет в отношении одних территорий

путем предоставления колониям независимости, в отношении других — путем постановки их под опеку, выработкой условий которой и должна заняться соответствующая международная организация.

Эту точку зрения высказывали в беседах со мной и Стассен, и государственный секретарь США Стеттиниус, притом неоднократно и настойчиво.

Вопрос о колониях занимал важное место в работе конференции потому, что в нем сходились и перекрещивались интересы крупных держав. Логика событий привела к тому, что точка зрения СССР по данному вопросу совпала во многом с позицией США.

Вначале представители США говорили нам о своей позиции как бы шепотом, чтобы не так уж быстро она доходила до англичан. Однако становилось ясно, что рано или поздно всем крупным державам предстоит выложить свои карты на стол. Так оно и случилось.

Англичане вначале не пытались поддерживать контакты с советской делегацией по этому вопросу, по крайней мере в активной форме, хотя с американцами они не раз обсуждали проблему колоний. Однако с течением времени представители Великобритании все же стали вести диалог на эту тему и с советской делегацией.

Мы понимали, что в Москве была намечена принципиальная линия на конференции в вопросе о судьбе колоний. Хотя с делегацией Англии и состоялось много обсуждений, становилось все более ясным, что решающую роль в этом вопросе в Сан-Франциско призваны сыграть Советский Союз и Соединенные Штаты Америки. В конце концов, с этим согласилась и Англия. В итоге были согласованы и включены в Устав ООН соответствующие положения, касающиеся колоний.

подавляющее большинство делегаций встретили положительно договоренность между крупными державами — СССР, США, Англией и Францией — по вопросу о судьбе колоний. Так, участники тех встреч четко осознавали, что недалеко то время, когда Индия, как суверенное государство,

должна занять свое место в создаваемой организации, и эта великая страна будет дышать свободно как независимая.

Советский Союз уже тогда сыграл свою историческую роль в предоставлении свободы и национальной независимости колониальным странам. Однако предстояла еще напряженная борьба, прежде всего самих угнетенных народов, за то, чтобы благородная идея освобождения их от ига колонизаторов была бы воплощена в жизнь. < Предстояло еще специальное обсуждение в ООН вопроса о ликвидации колониальной системы, но все понимали, что новое обсуждение уже будет проходить на основе Устава созданной международной организации.

Совершенно ясно, однако, что позиции СССР и США по своей сути расходились. Наша страна выступала за то, чтобы международная опека способствовала созданию условий, позволяющих населению указанных территорий обрести затем свою независимость.

Именно Советский Союз добился того, что содержащееся в Уставе ООН определение целей международной опеки включало достижение не только самоуправления этих территорий, как предлагалось в американском проекте, но также и их независимости. Вначале США высказывались против такой постановки вопроса.

На протяжении всех дискуссий американцы явно показывали, что у них прочно засела мысль: из нового положения с бывшими колониями должен извлечь выгоды прежде всего Вашингтон. Ими вынашивались планы завладеть некоторыми подопечными территориями, в первую очередь островами Микронезии в Тихом океане — Марианскими, Каролинскими и Маршалловыми, то есть теми, которые США в дальнейшем фактически прибрали к рукам в нарушение Устава ООН и соответствующего решения Совета Безопасности. То, что при создании ООН выглядело как намек на последующие действия, превратилось ныне в откровенный империалистический грабеж и произвол.

Все государства, которые стоят в международных делах за справедливость, за соблюдение соглашений, не могут не осудить самым решительным образом ту

политику, которую осуществляет Вашингтон в отношении указанных территорий.

Следует сказать и еще об одном предмете острой дискуссии на Сан-Францисской конференции.

Ни в Думбартон-Оксе, ни в Крыму не рассматривался вопрос о том, будут ли государства — члены всемирной организации иметь право на выход из нее, если по тем или иным причинам они не пожелают больше оставаться в ее составе. Вопрос вроде бы простой. Но в то же время и сложный, поскольку он затрагивает принцип суверенитета государств.

С одной стороны, ни одно из государств не должно покидать организацию, призванную служить обеспечению международного мира. С другой — как быть, если, по мнению того или иного государства, всемирная организация не выполняет своих задач. Что же, в этом случае страна не должна иметь права прекратить свое членство? Наконец, если та или иная страна решает перейти на позиции нейтралитета без членства в ООН, разве она должна быть лишена такого права? Эти вопросы не могли не возникнуть и возникали. Участникам конференции предстояло определить свои позиции на этот счет.

США, Англия, Франция внешне как бы заботились, чтобы ООН не ослаблялась путем выхода из нее тех или иных стран. Но это только внешне. В действительности они стремились нанести удар по священному принципу в системе международных отношений — принципу суверенитета государств. Его распатывание в уставном порядке, можно сказать, генетически закладывало бы опасность вмешательства одних государств во внутренние дела других. Более того, это открывало бы возможность самой международной организации вмешиваться во внутренние дела стран — членов ООН.

СССР решительно воспротивился этому, настаивая на неприкосновенности принципа суверенитета. По поручению Советского правительства я сделал на конференции соответствующее заявление с занесением его в протокол заседания.

Большинство делегаций, одна за другой, заняли позиции, аналогичные советской. Была включена специальная статья (пункт 7 статьи 2 главы I), которая

гласит, что Устав ООН ни в коей мере не дает Организации Объединенных Наций права на вмешательство в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства.

Ретроспективно оценивая дискуссию в Сан-Франциско по этому вопросу, нетрудно увидеть, что уже сорок с лишним лет назад делегаты от западных держав выпустили по принципу суверенитета государств немало залпов, которые перекликаются с теперешним подходом Вашингтона и некоторых его союзников к этому принципу.

История помогает лучше понять и некоторые факты современной обстановки. И наоборот.